

ПЕРЕВОД ТАЛЬМИ

Наша газета осуществила недавно перевод с идиша и опубликовала на своих страницах книгу А. Лейбмана «Коммуна «Икор». Напомним, что проект состоялся по инициативе нашего постоянного автора Елены Марундик (Израиль), чей дед Исроэль Пинзур был одним из первостроителей коммуны. Елена уже продолжительное время продолжает по крупицам восстанавливать историю «Икора», и в этом ей помогают единомышленники, потомки бывших «икоровцев», которых она сумела объединить вокруг себя. Очередным документом-свидетельством стала книга Леона Тальми «На целине. Экспедиция ИКОРа в Биро-Биджане», вышедшая в Нью-Йорке в 1931 году. Что предшествовало той экспедиции? Слово – автору международного журнала «Мы здесь» Якову Басину:

«Вовлеченный в (Биробиджанский – прим.) проект Коминтерн организовал пропагандистскую работу среди еврейского населения зарубежных стран и в 1928 г. обнародовал призыв: «Помочь братьям в СССР!». Договор об участии в освоении евреями Дальнего Востока заключил с советским правительством ИКОР, лидеры которого серьезно заинтересовались еврейской колонизацией Биробиджана, а его лидер, марксист профессор Чарльз Кунц, желая детально разобраться с проблемой, в 1928 г. даже посетил СССР. По возвращении в Нью-Йорк Кунц сделал официальное заявление, что кампания против биробиджанского проекта лишена оснований, и что Биробиджан является местом, вполне пригодным для активного заселения.

На следующий год ИКОР прислал в СССР уже целую комиссию, которую возглавлял почвовед профессор Ф. Гаррис. В составе прибывших экспертов была целая группа профессоров американских университетов: почвовед К. Солс, специалист в области механизации сельского хозяйства Д. Девидсон и сам Чарльз Кунц. Членами экспедиции были также активисты ИКОРа эмигранты Эли (Илья) Ватенберг и Леон Тальми (Лейзер Тальминский). Благожелательный для организаторов экспедиции отчет комиссии ИКОР был вскоре опубликован в еврейской и английской печати, а позднее рассылался по просьбе любой организации. ИКОР усилил экономическую помощь Биробиджанскому району. На выделенные в это время 300 тысяч долларов были закуплены и отправлены в СССР экскаваторы, трактора, грузовые автомашины, оборудование для электростанции и строящегося деревообрабатывающего предприятия.

Сыграл свою роль этот документ и в повышении авторитета власти СССР, которая якобы проявляет большую заботу о еврейском населении страны.

Правда, через 20 лет МГБ оценит этот документ как шпионский, и после процесса Еврейского антифашистского комитета реэмигранты Э. Ватенберг, его жена Чайка (Хайка) и Л. Тальми будут расстреляны».

Это случится через двадцать лет, а пока Тальми, вдохновленный экспедицией, пишет свою книгу. Приводим здесь одну из ее глав.

Коммуна «Икор»

Мы заранее решили, что первым же делом побываем в коммуне «Икор», которая находится недалеко от железнодорожной линии у станции Волочаевка – первой остановки на пути из Хабаровска. Но когда утром 1 августа мы вышли из вагона, выяснилось, что товарищ, который должен был сообщить в коммуну о прибытии нашей экспедиции, из-за дождя задержался на вокзале.

Стали думать, как добраться до коммуны. Долго думать не пришлось – нам снова помог случай: на дороге показалась упряжка из двух лошадей, которая двигалась по направлению к станции. Паренек-возничий объяснил, что едет как раз из коммуны. Он был очень удивлен, увидев нас. Там, в коммуне, конечно, уже знали, что мы должны приехать, но думали, что о нашем визите их предупредят заранее. Да, он, конечно, готов отвезти нас туда, но на телегу могут сесть не более четырех, максимум пяти человек. Что же делать?

Коротко посоветовавшись, мы решили, что поедут пятеро из нас – профессор Дейвидсон, профессор Кунц, товарищ Ватенберг, Ноах Лондон и я. Остальные – профессор Геррис, профессор Солс и Биньямин Браун – должны были пока остаться и заняться исследованием территории вокруг станции. А мы, прибыв на место, вышлем за ними другую подводку.

Выехали около девяти утра. Было свежо, а небо сплошь затянуто. По этим признакам трудно было сказать, что предвещает погода: ясный солнечный день или ненастье и ливень. Но это уже мало что меняло, так как ночной дождь – кровный брат тех дождей, что лили здесь почти ежедневно в течение всей предыдущей недели, оставил после себя богатое «наследство»: дорога превратилась в болото, по которому наши лошади телепались добрых два с половиной часа.

Путь лежал длиной девять с половиной километров. Из них три километра – по «главной» дороге Волочаевки: длинной улице с низенькими деревянными домами, стоящими поодаль друг от друга и отделенными один от другого грядами картофеля, капусты, бобов, подсолнухов, кукурузы и т.д.

Мы осматривали дома и огороды, насколько позволял обзор с телеги и покуда это было возможно. Выехав же за село, вынуждены были сосредоточить внимание на самой дороге, так как из-за густой растительности по обочинам – кустов и низких деревцев – ничего не было видно. Ноах Лондон, по профессии дорожный инженер, начал вслух перечислять достоинства и недостатки дороги (недостатков было значительно больше) и объяснять, как нужно было ее строить правильно.

Тем временем закончился спор между погодой и непогодой – начался дождь. Мы надели плащи и поехали дальше. И вот тогда-то мы впервые познакомились с биробиджанским гнусом. Из-под кустов сначала по одному, а затем целыми роями на нас устремились комары. Поприветствовав нас веселым жужжанием, они тут же пустили в ход свои колющие инструменты. Вскоре появились другие представители мелких крылатых насекомых – так называемая мошкара, которая роились вокруг нас тучами, и приходилось все время отмахиваться от нее.

Чтобы быть точным, необходимо отметить, что возможность познакомиться с гнусом в тот раз представилась только тем из нас, кто сидел на телеге слева, лицом к той обочине дороги, где кусты росли гуще. Те же, кто сидел лицом к железной дороге, даже не поняли, почему мы все время машем руками.

Меньше всего беспокоился о комарах парень-коммунар, который погонял лошадей. Поскольку мы разговаривали между собой на английском языке, он что-то тихонько напевал. Когда мы вдруг замолчали, он немного подождал, а потом завел разговор на идише с теми из нас, кто понимал этот язык. Пожаловался, что дождь, который льет здесь уже две недели, сильно помешал работе коммунаров.

Около одиннадцати часов показались дома коммуны, а еще через полчаса мы въехали во двор. Очевидно из-за дождя на улице не было ни души. Вскоре к нам вышли несколько парней, которые как-то неуверенно поздоровались с нами и пригласили войти в первый дом. Через некоторое время там собралось человек десять народу, и мы разговорились о коммуне.

Двенадцать коммунаров приехали в Биро-Биджан в прошлом году вместе с первыми переселенцами. Устроились сначала в Бирофельде, построили там дом, коровник и приобрели дюжину коров. Сюда, на новое место, они перебрались в этом году, в начале весны. Прежде здесь находилась Дежневская опытная и метеорологическая станция. Сейчас оборудование станции перевезли в Бирофельд, а постройки с землей (площадью более двух тысяч гектаров) передали коммуне. Всего здесь имеется восемь построек: два

жилых дома, конюшня, коровник и при нем молочная лаборатория, кухня и столовая, гараж, зернохранилище, кузня, свинарник и баня.

Парни скоро привыкли к нашему присутствию, и скованность в общении исчезла. Настроение у коммунаров, в отличие от того, что нам рассказывали об «Икоре» в Хабаровске, было хорошее. Несмотря на неудачный опыт (когда часть посевов пшеницы и овса, а также заготовленное сено были уничтожены наводнением), ребята полны решимости и надежд.

Мы переждали дождь и отправились осматривать икоровские владения. В двух жилых домах насчитали больше двадцати комнат, в которых можно спокойно разместить 45 человек. Парни рассчитывают, что через год число коммунаров подойдет к этой цифре. Обстановка в комнатах очень простая: грубо сколоченные деревянные кровати, по паре стульев на комнату, в каждой – столик, на котором лежат книги, «Штерн», «Ройтэ вэлт» и другие газеты и журналы. В некоторых комнатах есть умывальники. Стены побелены, но известка во многих местах осыпалась, отчего комнаты производят впечатление заброшенности.

Из конюшни доносилось ржание лошадей – их в коммуне семь. Пользуясь моментом, мы попросили тов. Вихнина, председателя коммуны, послать пять лошадей за Гаррисом и остальными членами комиссии.

Затем мы разделились: Девидсон, я и сопровождавший нас коммунары двинулись в восточном от построек направлении – осматривать поля. Пшеница здесь выглядела гораздо лучше и здоровее, чем на полях по дороге в коммуну. Парень объяснил нам, почему: здесь и место повыше, и есть канава, в которую стекают талые и ливневые воды.

После мы отправились в коровник. Коммунары, которых мы там встретили, дали нам полную информацию. В икоровском стаде 33 коровы и бычок. Коровы дают 135 кварт молока в день. Из него вырабатывают здесь 20 кварт сметаны, которую поставляют в Хабаровск. «Худое» молоко идет на стол коммунарам. Из кислого молока делают сыр или поят им шестерых ухоженных поросят.

В гараже мы нашли «Клетрак», который явно немало потрудился за свою короткую жизнь. Сиденье было сильно потерто, по состоянию колес и цепей можно было судить, по скольким болотам прошел трактор и сколько вспахал земли. Рядом стояли два четырехрядных плуга «Джон Дир», сеялка, молотилка и другое сельхозоборудование. По оценке профессора Девидсона, коммуна в этом смысле неплохо обеспечена. Парень, который нас сопровождал, пожаловался, что трактор они получили слишком поздно, а дисковую борону к нему – еще позже, и это помешало им вспахать больше земли.

В свинарнике свиней мы не нашли (их временно разместили в коровнике, отгородив для них угол), зато нашли оборудование, которое используется в пчеловодстве. Например, медогонку (в коммуне 17 ульев).

Затем мы вернулись на кухню и познакомились с девушкой, которая была занята приготовлением обеда. По правде говоря, в кухне этой не было ничего кроме печи – большой русской каменной печи. Она, печка то есть, стены и балки были облеплены мухами – простыми домашними мухами, которые собрались сюда, кажется, со всех окрестностей. Стен, собственно, не было видно – сплошная черная движущаяся масса. Девушка – босая, с искусанными ногами и пенсне на носу – имела интеллигентную внешность, что не сочеталось ни с этой русской печкой, ни с мухами на стенах. Она объяснила, что находится здесь несколько месяцев и что раньше, дома, работала «по письменной части». Здесь ей нравится.

Девушка сказала, что коммунары, конечно, ждали нас, но не знали, что мы приедем сегодня. Когда мы сообщили, что сегодня же собираемся уехать, она недовольно буркнула:

– Тоже мне гости...

Девидсон тем временем раздобыл лопату. Мы с ним вышли и выкопали ямки в земле в нескольких местах – он хотел понять характер почвы. Выяснилось, что верхний слой (на полфута) состоит из чернозема. Второй слой (полтора фута в глубину) – густая глина. Под ней – глина светло-зеленого цвета, более сухая и рыхлая. По мнению Девидсона, из-за глинистой подпочвы здесь следует провести дренажные работы, чтобы сделать землю пригодной для сельского хозяйства. Коммунар сказал нам, что в релке, примерно в километре от коммунарской усадьбы, подпочва песчаная, и там растет очень хорошо. Кунц и Лондон, которые прогулялись к релке, это позже подтвердили.

Около трех часов мы все собрались в столовой, где девушка с кухни потчевала нас обедом – ухой, белым сыром, молоком и черным хлебом. У нас тем временем была трудная работа – отгонять мух. Но мы их одолели.

После обеда мы подошли к воротам коммуны, где встретили группу парней. Они рассказали о взаимоотношениях с соседями. Ближайшее от коммуны село – Дежневка. Там находится сейчас коллектив украинских переселенцев. Они дружат с коммунарами, ребята часто ходят в гости друг к другу, отмечают вместе праздники. Один из парней, лет 18-ти, который недавно ездил на Тихонькую, с большим энтузиазмом рассказал, что видел там экскаваторы, которые прислала организация «ИКОР». Он детально описал операции, которые выполняет эта машина, – как она копает землю,

как поднимает полный ковш, как она сама двигается и крутится на круглом вращающемся фундаменте.

– Замечательная машина! Интересная машина! – подытожил он.

Парни расспросили нас об ИКОРе, о работе экспедиции и о перспективах. Один из них пожаловался.

– Целый год работали мы в Бирофельде, изучали там почву, климат, а сейчас – мы здесь, а здесь мы ничего не знаем.

– Да, надо теперь заново учиться, – подключается второй, – и никто нам не может ничего подсказать. Все пробуем сами. Иногда получается, иногда – нет.

Тем временем подъехал паренек на подводе. Мы тепло попрощались с коммунарами и отправились на станцию. Вскоре увидели, как навстречу нам движется целая кавалькада. Это были Гаррис и другие члены комиссии – теперь был их черед побывать в коммуне.

Перевод с идиша Елены Сарашевской